
Климентина Чугункина
Аббатство Бридлингтон
18+

Климентина Чугункина

Аббатство Бридлингтон

https://litres.ru/74703229
SelfPub; 2026

Аннотация

Юная сирота из Неаполя прибывает на Британские острова к своему дальнему родственнику, который единственный может позаботиться о ней. Дядя проживает в огромном старинном аббатстве, одно крыло которого полностью заброшено, или это только так кажется на первый взгляд. Толстые стены гордо и величаво хранят свои страшные тайны. Пока владелец занят опытами с электричеством, племянница грезит Искусством и постигает азы палеонтологии, а заодно встречает свою первую любовь.

Данная история пропитана атмосферой готических романов, которыми так увлекались в конце восемнадцатого века.

Климентина Чугункина
Аббатство Бридлингтон

Воспоминания – это призраки прошлого.

Я ехала в карете вот уже который час. Равномерное потряхивание, топот и фырканье лошадей и редкий голос кучера убаюкивали меня, и я погружалась в думы в полудрёме.

Что-то новое и неизвестное ждало меня впереди, там, куда я сейчас направлялась – в аббатстве Бридлингтон, где жил мой родной дядя граф Сент-Остелл, которого прежде я никогда не видела.

Но ведь я прежде никогда и не бывала в Англии.

К себе меня пригласил дядя спустя пару месяцев после смерти моего отца. Я получила письмо от него, в котором он настойчиво приглашал меня переехать в Англию, жить в его доме и быть для него как родная дочь. Граф Сент-Остелл был вдовец и своих детей не имел, как впрочем, и других родственников, кроме моего отца, который приходился ему родным братом. У них была разница в пятнадцать лет. С того момента, как родилась я, они не встречались и лишь изредка переписывались.

Когда я получила письмо, то не стала раздумывать над ответом, а сразу же выразила своё согласие. Мой отец был негоциантом, но пару лет назад разорился, сохранив, однако,

небольшое состояние, которое позволяло нам не упасть за край бедности. Последний год мы с ним жили в Неаполе, я ни в чём не нуждалась, но с его смертью всё имущество было распродано за долги. Так что, если бы не любезное приглашение дядюшки, мне было бы негде жить, и я могла бы оказаться в работном доме.

Теперь же я ехала в это знаменитое аббатство, но прежде мне пришлось очень долго добираться морем из Италии в Великобританию. Из Лондона на поезде я добралась до маленького городка, в котором мне пришлось сутки прождать в отвратительной гостинице карету моего дядюшки, которую он любезно мне предоставил, чтобы я могла добраться до Бридлингтона. Как мне объяснил кучер, находилось это аббатство на крайнем севере графства и вокруг на многие мили простирались лишь одни вересковые пустоши.

Впереди меня ждало всё непривычное.

Я порылась в складках платья и достала небольшой мешочек, в котором находились самые дорогие для меня вещи. Первым я достала медальон, который принадлежал моей матери. Это был подарок от моего отца, но незадолго до смерти она попросила передарить его мне, чтобы он защищал и оберегал меня. Я всегда держала медальон в руках в трудную минуту. Он был серебряным, на верхней крышке инкрустирован изумрудами, на оборотной стороне – надпись на латыни «дороже самой жизни». Отец сам выбрал эту надпись, когда заказывал гравировку, а медальон был подарен в день их

помолвки. Я провела пальцем по изумруду. Жаль, что я никогда не видела лица своей матери. Она умерла, рожая меня, и её единственный портрет так и не успели начать.

Моя мама была танцовщицей в парижской Опере. Мой отец, путешествуя во времена своей юности по Европе, встретил её и больше никогда не отпускал от себя. Она ничего не имела, поэтому их брак считался невозможным, но мой отец оставил свою семью, богатство, полагавшееся ему с рождения, положение в обществе, свою родину, наконец, и спустя полгода после их знакомства, они поженились и обосновались в Париже. Не знаю, каким образом, но мой отец даже изменил фамилию, чтобы ничто не связывало его с теми, кто возражал против брака по любви и считал неприлично-скандальным породниться с женщиной «без рода и племени».

С тех пор наша фамилия стала Берн-Сент-Эдмендс.

Вместе мои родители прожили очень счастливую, но очень короткую жизнь. Через два года со дня их свадьбы появилась я, а моя мать была похоронена в день моего крещения.

Я достала следующую вещь из мешочка. Это были золотые часы с откидывающейся крышкой, на которой была изображена сова. Единственная вещь, которую мне удалось спасти от продажи с молотка. Мой отец считал сову покровительницей торговли, потому что её изображение олицетворяло знание, а «делать деньги» без знания невозможно. Так

он всегда говорил, но я так и не смогла понять, какое именно знание необходимо для успешной торговли.

Мой отец был замечательным человеком, несмотря на несчастье, что обрушилось на него в таком молодом возрасте. У него были друзья, и очень хорошие, которые помогли ему содержать и воспитывать крохотную дочь. Он и старина Ник (фамилии или другого имени этого джентльмена я никогда не слышала – так его называли все) открыли оптовую фирму, которая благодаря способностям моего отца расцвела через пару месяцев, и он смог выплатить кредит, который брал на организацию своего дела.

В ту пору моё детство в Париже было самым счастливым.

Когда мне исполнилось десять, я отправилась в лучший частный пансион под Парижем. Мой отец и старина Ник уехали на Ближний Восток, чтобы уже там открывать филиалы своей компании, расширяя её.

В последний год моего обучения отец сообщил, что старина Ник неожиданно исчез, присвоив себе большую часть доходов от компании. Однако у нас хватало денег на безбедную жизнь, поэтому я спокойно доучилась, а затем мы переехали в крохотный домик в Неаполе, где жизнь была намного дешевле и где мы могли по-прежнему жить на широкую ногу, как привыкли, а расходы наши значительно снизились по сравнению с расходами в столице Франции.

Предательство Ника сильно пошатнуло здоровье отца, которое ухудшалось каждый месяц, усугубляясь тем, что он не

мог простить себе, что доверился во всём мнимому другу и никогда не требовал у него отписать часть фирмы на себя. Он страдал от того, что не позаботился как следует о будущем своей дочери. Я, как могла, ухаживала за ним, однако год спустя он умер от сердечного разрыва. Тогда-то я и узнала, что за отцом числится множество долгов. Он брал в долг, чтобы оплатить мой последний год обучения, наш переезд в Неаполь и последующую жизнь в относительном достатке.

Старина Ник полностью ограбил его.

Так я оказалась без гроша в кармане, и только любезное письмо дядюшки, полученное так вовремя, выручило меня. Мне было ужасно стыдно, что он полностью оплатил мой проезд на корабле до Лондона, гостиницу, прислал за мной карету, и я надеялась когда-нибудь отплатить ему за это.

Я знала немногое про своего родственника. Он являлся членом Палаты Лордов. От отца я слышала, что он занимается какой-то научной работой и частенько путешествует по всей Британии. Я представляла его худым старым господином с седыми волосами, очень строгим и любящим тишину, которая помогает ему внимательно и сосредоточенно проводить какие-нибудь необычные опыты.

Я убрала часы обратно, спрятала мешочек и зябко поёжилась. Темнело. Как только я оказалась в Лондоне, то сразу почувствовала на себе его неприятный климат – влажный и пробирающий до костей. Я была в своём самом тёплом платье, но оно почти не грело, и мне было холодно.

Я везла с собой небольшой сундучок, где лежали мои немногочисленные вещи. В нём лежала и шаль, но кучер забрал мой багаж к себе, чтобы он не мешался, хоть я и уверяла его, что могла бы уместить сундучок в ногах. Сейчас же я не осмеливалась просить его остановиться, чтобы достать необходимое. Оставалась лишь поплотнее забиться в уголок кареты и тереть руки друг об друга. За окном уже давно не было деревьев, одни пустоши. Значит, ехать осталось недолго. Да и кучер сказал, что к вечеру мы доберёмся.

Мне было немного страшновато при мысли, как примет меня дядя. В письме он был любезен, но на деле могло оказаться по-другому. К тому же здесь, в этой стране, уже с самого начала было не так, как я ожидала; ничего того, к чему я привыкла.

Но карета качалась, лошади неслись, и я вновь стала погружаться в дрёму, оставляя страхи позади.

Вдруг резко тряхнуло. Из любопытства я откинула шторку и высунула голову в окошко. Карета остановилась перед роскошными воротами, на каждой створке которых находился большой герб, но свет от фонаря был тусклым, и я не могла разглядеть подробностей. Невдалеке высились силуэты деревьев. Я поняла, что мы приехали, когда появился привратник и распахнул ворота, чтобы мы могли проехать.

Спустившийся на землю кучер заметил мою голову и пояснил, указав на гербы за своей спиной:

- Это гербы фамилии Сент-Остелл. Проедем парк, и мы

на месте, мисс.

Я кивнула, а он запрыгнул на своё место, подстегнул лошадей, и мы тронулись.

Моё сердце забилось от волнения.

Теперь я смотрела в окно, пытаясь различить парк, но всё окружающее казалось сплошной серой массой. Над парком взошла луна, но тонкие облака мешали ей освещать ярко. Она была такого же размера, как в Неаполе, а я всегда думала, что на юге небесные светила больше. Карета обогнула ещё одну группу деревьев, и я увидела пруды с едва заметной лунной дорожкой на них, а за ними – само аббатство Бридлингтон. Замок был по-настоящему гигантским. В глаза сразу бросалась круглая башня, находящаяся по левую сторону от основного здания.

Здесь всё освещалось газовыми фонарями, и в их свете я смогла отметить, что аббатство неоднократно перестраивалось, потому как в нём присутствовали черты, присущие разным архитектурным стилям. Это выглядело очень эффектно, и невольно я раскрыла рот от восхищения.

Мы проехали пруды и обогнули здание, подъезжая к парадному входу. Я увидела ещё одну башню, квадратную, поменьше круглой, из-за чего её можно было видеть только с этой стороны.

Когда мы остановились, кучер открыл дверцу, опустил подножку и подал мне руку. Я вылезла и сразу оказалась перед главным крыльцом, украшенным колоннами, лепниной

и гигантскими вазами по сторонам. Дверь распахнулась, и ко мне вышла дюжина слуг, а за ними и сам хозяин аббатства.

Это был пожилой, довольно грузный мужчина с копной кудрявых рыжих волос и залихватскими усами, которые делали его похожим на генерала. Глядя на него, можно было с уверенностью подумать, что он любитель поохотиться и вкусно поесть, но никак не на то, что он занимается серьёзной научной работой.

- Спасибо, что довёз её в целости, Джонс, - обратился он к кучеру, и карета куда-то укатила с моим багажом.

Я осталась одна напротив своего родственника.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

- Вот значит ты какая, Изабелла Антония, - сказал он вместо приветствия и ласково улыбнулся.

Я поняла, что пришлась ему по душе. Я привыкла к тому, что многие находят меня очень красивой, ведь я была белокурой и голубоглазой, с очень бледной нежной кожей, стройной и миниатюрной.

- Здравствуйте, сэр, - поздоровалась я, и голос мой оставался спокоен.

- Пожалуйста, Изабелла, зови меня дядюшкой. Я не люблю официальных обращений.

- Хорошо, сэр… дядюшка, - поправилась я.

Он подал мне руку, и мы вошли в дом. Слуги поклонились, когда я проходила мимо, и я склонила голову в ответ. Я не была гордячкой и знала по себе, что значит нужда.

Роскошная прихожая, обшитая панелями, была освещена электрическим светом, также как и другие комнаты, через которые мы проходили. В их обстановке чувствовалась не только роскошь, но и отменный вкус хозяина.

Меня привели в столовую, и я поразилась её размерам. Огромный обеденный стол занимал большую часть помещения, за ним поместилось бы очень много гостей. Дядюшка подвёл меня к той части стола, где располагались столовые приборы и яства.

- Ты хорошо доехала? – спросил он, пододвигая мне стул.

- Да, - только и кивнула я. Зайдя в дом, я сразу же почувствовала, как дальняя дорога утомила меня. Всё, что мне хотелось, это улечься спать прямо сейчас.

- Не возражаешь, если я просто посижу рядом? Час обеда прошёл, я уже поел. Мне бы хотелось познакомиться с тобой поближе, - проговорил он, пока я ополаскивала руки.

- Простите мне мою дерзость, - начала я, когда дядя стал открывать крышки одного блюда за другим, - но я бы хотела съесть только тарелку супа, а всё остальное, в том числе наш разговор, отложить на завтра. Я очень устала. Дорога сильно утомила меня, и сейчас я вряд ли способна отвечать на ваши вопросы.

Я невольно покраснела, произнося такую речь, но мне в самом деле стало вдруг очень плохо, и я еле сидела так, как полагается благовоспитанной девице.

- Это ты должна извинить мне мою назойливость, - дя-

дя нисколько не обиделся и принялся наливать мне суп. – Я так рад, что ты здесь, что ты согласилась скрасить одиночество старика, вот и распорядился насчёт праздничного стола. Твои желания теперь для меня главная забота.

- Вы не должны так говорить, сэр, - молвила я, глотая горячую жидкость, но не чувствуя её вкуса.

- Пожалуйста, не зови меня сэр. Я не люблю официальности, - он улыбнулся. – Именно так я и должен говорить. Ты даже не представляешь, что для меня означает твой приезд.

Я быстро доела суп, и дядя сам повёл меня в мою комнату.

- Твои вещи доставлены, камин в комнатах растоплен, и всё готово к твоему приходу, - сказал он, пропуская меня вперёд.

- В комнатах? – удивилась я.

Я думала, что буду жить в маленькой уютной комнатёнке, похожей на ту, что я занимала в Неаполе.

- Три комнаты, - подтвердил он. – Спальня, гостиная или кабинет и уборная с медной ванной. Я позаботился, чтобы ты жила как принцесса.

Его слова напомнили мне слова отца. Он тоже всегда старался следить за тем, чтобы я ни в чём не нуждалась. И сейчас я почувствовала неловкость от того, что человек, которого я никогда не видела, точно так же позаботился обо мне.

Мы поднялись по широкой лестнице, покрытой ковром, на второй этаж и прошли по коридору, ступая по натёртому мастикой паркету. Повсюду в стенах были электрические

лампы.

- Твои комнаты находятся в конце правого крыла на солнечной стороне. Раньше они пустовали, но, как только я получил твой ответ, сразу переделал их и заново обмеблировал. Я также нанял для тебя твою личную femme de chambre, - говорил дядюшка, поддерживая меня за руку, пока мы проходили мимо бесчисленных дверей.

Да, дом был воистину огромным!

Мы прошли центральный коридор и вошли в правое крыло: и здесь всё тоже освещалось лампами.

- Дядюшка, вы занимаетесь наукой об электричестве? – поинтересовалась я.

- Почему ты так решила?

- Я вижу у вас множество электрических ламп. Их сейчас редко где встретишь в таком количестве.

- Мои опыты действительно в некотором роде имеют отношение к электричеству, но это лишь второстепенное моё занятие. Я занимаюсь более серьёзными вещами, а электричество – лишь баловство.

Я удивилась его ответу, но задавать других вопросов не стала из-за усталости, хотя мне было очень интересно узнать, чем же таким важным занимается этот удивительный человек.

- Вот и твои покои, - указал он на последнюю дверь в коридоре рядом с окном.

Дверь открылась без единого скрипа, и дядюшка пропу-

стил меня вперёд.

В комнате было очень светло от трёх ламп, и я могла всё рассмотреть как следует. Это была очень просторная и большая гостиная с двумя окнами. Пол был устлан коврами, на стенах несколько картин в широких позолоченных рамах. Мебель была очень мощная и резная: шкаф, комод, стол с тремя стульями, этажерка. Все вещи выглядели очень красиво, а сама комната была выдержана в коричнево-золотистой гамме.

- Благодарю, мне здесь очень нравится, - я обернулась к дядюшке, чтобы он заметил моё сияющее лицо.

- Ты ещё не осмотрела другие комнаты, - и он указал рукой на межкомнатную дверь.

Я прошла в спальню и оказалась в чуть менее просторном помещении с одним окошком. Большую часть занимала кровать с алым балдахином. Здесь всё было в красновато-розовых тонах: розовые шторы, небольшой сундучок, столик из красного дерева, ковёр с длинным ворсом и алыми восточными узорами. В маленькой уборной медная ванна ждала, пока её наполнят.

Я вернулась к дяде, который стоял у окна, пока я осматривала свои владения.

- Ни одного слова благодарности недостаточно, чтобы отблагодарить вас, - сказала я и посмотрела в окно. Фонари освещали сад и пруды.

- Вот и хорошо, что тебе всё понравилось, - он похлопал

меня по плечу. – В каждой комнате есть колокольчик. Если тебе что понадобится, Джил всегда придёт на помощь, - с этими словами дядя дёрнул звонок, и через пару секунд вошла моя горничная.

- Джил, помоги мисс Изабелле раздеться и приготовь ей ванну. Если ей что понадобится, ты знаешь свои обязанности.

Девушка поклонилась нам.

- Спокойной ночи, - попрощался со мной дядюшка.

- Доброй ночи, - я улыбнулась и кивнула головой.

Мой родственник вышел, и я обернулась к Джил.

- Хорошо доехали, мисс? – улыбнулась она, обнажив два ряда безупречных, но крупных зубов.

- Дорога была довольно утомительной, и я довольна, что, наконец, здесь, - ответила я и тоже улыбнулась.

Джил была примерно моего возраста, но очень худенькая для своего роста. Особенно сильно меня поразили её тоненькие ручки, которые она сложила на переднике. Вобще же она была типичная англичанка.

- Ты давно здесь работаешь? – поинтересовалась я.

- Нет, мисс. Мистер Сент-Остелл взял меня две недели назад. Он специально искал девушку примерно вашего возраста. Но вы не волнуйтесь, я всё умею, вам не придётся ни о чём заботиться, - она тараторила так быстро, что я с трудом понимала её. – Наполнить вам ванну?

Я кивнула, и она живенько выбежала из комнаты.

- Молоденькая, - подумала я. – Неопытная, несмотря на слова. Хочет выслужиться, чтобы получить своё жалование и помочь семье. Вероятно, была польщена, когда получила такое место. С ней хлопот не будет.

Я по себе знала, что такое нужда, поэтому представила, как обрадуется Джил, когда узнает, что чем меньше я буду её видеть, тем лучше. Она сможет больше времени оставлять для себя, но её жалование при этом будет оставаться прежним.

Я не любила горничных. Они слишком много болтают, а у меня от их болтовни всегда начинает болеть голова. Я просто не хотела огорчать дядюшку своим отказом, к тому же Джил уже приняли, и мне было бы жаль лишить её работы.

- Ванна готова, мисс, - молодая служанка прервала мои размышления. – Помочь вам раздеться?

- Нет, благодарю. Я всё сделаю сама, так что до утра ты свободна.

Радостная улыбка осветила лицо Джил.

- Спасибо, мисс, спасибо.

Она хотела сказать что-то ещё, но я махнула рукой.

- Иди, иди, - и она с поклоном удалилась.

Я прошла к ванне. От воды шёл пар, а на столике лежало всё необходимое.

Раздевшись, я медленно залезла в воду. Так как я очень замёрзла, мне показалось, что я погрузилась в кипяток. От моего тела тоже начал исходить пар, как только я высуну-

ла из воды руки за мочалкой и куском мыла. Скоро тепло оказало на меня своё благотворное воздействие, и я начала расслабляться. Мне чудилось, что я в Неаполе в саду своего бывшего дома греюсь под утренним солнцем, а отец сидит рядом и читает газету.

Вдруг я услышала какой-то шум и быстро открыла глаза. Мне показалось, что за не плотно закрытой дверью в спальне метнулась тень.

- Есть кто? – крикнула я, подумав, что это Джил что-нибудь принесла.

Никто не отозвался, а мне, должно быть, почудилось.

Я вылезла из ванны, обтёрлась наспех и прошла в спальню, где оставили мой дорожный сундучок. Огонь в комнате пылал вовсю, но мне было холодно. Я отыскала в своих вещах ночную рубашку и ночной капот, но надев их, не почувствовала желанного тепла. В Неаполе я надевала эту одежду самыми холодными ночами, но под этот климат она, видимо, не годилась.

Я думала, что не засну в эту первую ночь в незнакомом доме, но едва лишь успела заметить, какая большая кровать, и как мне в ней удобно и мягко, как провалилась в сон без сновидений.

Наутро я проснулась из-за того, что Джил начала что-то громко убирать. Уже давно настал день, и я удивилась, что проспала так долго. Я привыкла вставать с солнцем в Неаполе, но дорога, по-видимому, утомила меня. Я потянулась и

позвала Джил.

- Который теперь час? – спросила я, когда она присела в реверансе и одарила меня улыбкой.

- Без четверти одиннадцать. Вы пропустили завтрак, мисс. Я собиралась разбудить вас, но мистер Сент-Остелл не велел. Пару минут назад зашла проверить, как вы, и тут вспомнила, что ванна не убрана, увидела, что огонь потух, поэтому принялась наводить порядок. Ой, да как же вы спали, мисс?! Шторы-то не задёрнули, балдахин тоже, - она всё так же как и вчера тараторила, проглатывая половину окончаний, и я с трудом понимала её.

Здешний выговор сильно отличался от английского, к которому я привыкла в Европе. Даже дядя и то выговаривал некоторые слова в другой манере. Для моего уха чистая английская речь была пока непривычна, как и шторы. В Италии я привыкла задвигать ставни от яркого солнца. Вчера в темноте я не подумала об этом, а утром спала так крепко, что дневной свет не помешал мне и не разбудил.

Я предпочла не отвечать Джил, а просто сказала:

- Налей в таз воды, я умоюсь, - и встала с кровати и прошла в уборную.

- Всё уже готово, - служанка вошла вслед за мной. – Я позаботилась об этом, когда заходила в первый раз.

Я кивнула, а потом спросила:

- Дядюшка что-нибудь спрашивал обо мне?

- Узнав, что вы ещё спите, он велел мне позвать вас в ком-

нату для завтрака во время второго завтрака, а больше ничего.

- А когда второй завтрак? – спросила я, умываясь.

- В полдень.

- Хорошо. Делай свои дела, а я оденусь сама и позову тебя, когда захочу спуститься, и ты покажешь, куда идти.

- Считаю нужным предупредить, что мистер Сент-Остелл очень не любит, когда опаздывают к столу. Он может стерпеть любую вольность, но только не эту. Он очень свято блюдёт ритуал трапезы.

Я кивнула, а Джил принялась за уборку.

- Теперь мне ясно, почему дядя имеет такой упитанный вид и так мало похож на учёного, - подумала я, направляясь к своим пожиткам.

У меня было совсем мало вещей. Всё пришлось оставить в Неаполе, потому что я не могла взять более, чем могла бы нести сама.

Я сделала простую причёску на прямой пробор и подвязала её старенькой лентой – меня научили этому в пансионе. Там обучали девушек самим ухаживать за собой. У меня имелось всего два платья: тёплое чёрное и более нарядное серое. В первом я приехала вчера, поэтому сейчас надела серое. Вид у меня получился более чем скромный: если бы ещё надеть передник, то я выглядела бы как Джил, но, если учесть, что в кармане у меня не было ни гроша, и это платье можно считать роскошью.

Я пригладила выбившуюся прядь и вернулась к Джил.

- Я успела, я готова, - сказала я, чтобы привлечь её внимание, так как она не заметила меня.

Она бросила на меня оценивающий взгляд, что мне очень не понравилось, но ничего не сказала. Пропустив меня вперёд, закрыла двери моих комнат и повела меня вниз.

Мы снова вышли в главный коридор, наполненный лампами, которые сейчас не горели, а затем спустились на первый этаж, завернули под лестницу и прошли небольшую приёмную.

- Комната для завтрака обособлена от всех прочих. Мистер Сент-Остелл построил её недавно. Места, пригодного в подобных случаях, для неё не нашлось, поэтому пришлось поместить её в пристройку. Так что вам, мисс, без моей помощи её не найти было бы, - объяснила служанка, пока мы шли по коридору, а я через окна смотрела на парк и на работающего там садовника. – Я сама в первый раз заплутала, пока другие слуги не просветили меня на этот счёт.

Тут Джил постучала в небольшую дубовую дверь, распахнула её, и я вошла.

Комнатка оказалась небольшой по меркам этого дома, человек на восемь, оклеенная жёлтыми обоями в цветочек. Имелись три узких французских окна, из которых одно было полураскрыто, и тропка от него вела к прудам. Мистер Сент-Остелл завтракал с какой-то дамой приятной наружности, но по возрасту гораздо старше его. Она была в чепце и в платье,

сшитом по моде тридцатилетней давности

- Доброе утро, Изабелла. Как ты, дорогая? – дядя поднялся с места и пододвинул мне стул.

- Сейчас я хорошо себя чувствую, благодарю, - я присела в реверансе перед дамой и уселась на предложенное мне место.

Старая дама склонила голову и приятно улыбнулась.

- Позволь я представлю тебе миссис Фэрфакс. Она моя экономка, но для меня гораздо важнее обычной прислуги. Она взяла на себя все обязанности по ведению хозяйства, чтобы я мог посвящать свои дни только науке.

Дама снова улыбнулась, а я немного потупилась из-за того, что спутала её с госпожой – так хорошо она была одета.

- А это моя дочь Изабелла Антония, - представил он меня. – Она приехала вчера, когда вы уже ушли к себе.

Мы обменялись с миссис Фэрфакс любезностями.

- Вы такая милая девушка, - начала она приятным голосом. – Так скромны, так любезны.

- Благодарю вас, - тихо ответила я.

- Да, Изабелла действительно очень воспитанная девушка, но не кажется ли вам, миссис Фэрфакс, что моя племянница в этом платье очень похожа на гувернантку, - сказал дядя шутливым тоном, но я невольно всё же покраснела.

- Это платье я носила в пансионе, - попыталась я оправдаться. Глядя на этих богато разодетых людей, я осознала, насколько мой наряд скромен и неподходящ для этого до-

ма. – Я решила оставить все наряды там, потому что подумала…, - тут я замолкла, потому что мне было неудобно продолжить то, что вертелось на языке.

- Продолжай, пожалуйста, - поторопил мой опекун, когда понял, что я не решаюсь сказать.

- Я подумала, что здесь мне придётся работать, чтобы не есть даром хлеб, - промямлила я, глядя на носки своих туфель.

- О, милая, - по его тону было заметно, что он немного сконфужен. – Ты ничего обо мне не знаешь, раз могла подумать такое. Уверяю тебя, что ты не только не должна работать, но и вобще мне ничего не должна. За столько лет я ни разу тебя не удостоил подарком, хотя знал о твоём существовании, и это большое упущение с моей стороны. Миссис Фэрфакс проследит сегодня же за тем, чтобы вызвать портного и заказать тебе новые платья.

- Вы очень добры, дядя, - поблагодарила я, и мы начали завтракать, но не в молчании, как мне бы хотелось.

Миссис Фэрфакс осталась завтракать с нами. Мистер Сент-Остелл заметил мой взгляд, а потому пояснил:

- Миссис Фэрфакс всегда присутствует за столом. Я ей очень благодарен, и она пользуется моим бесконечным доверием за те заслуги, которые она оказала мне в прошлом.

- Ваши слова мне очень приятны, Валентин, - заговорила пухлая дама, и я удивилась, что она называет его просто по имени. Затем она обратилась ко мне. – Я происхожу из ра-

зорившейся знатной фамилии, мисс Изабелла. Вот уже три поколения наш род влачит жалкое существование, недостойное нашего положения. Мистер Сент-Остелл был бесконечно щедр, когда предложил мне это место, да ещё с таким заработком, что я была в состоянии помогать своим детям и родным. А когда он узнал о смерти моего мужа, то помог моим дочерям, оплачивая их пансион. Сейчас все они уже обзавелись семьями, но мы продолжаем помнить, что мистер Сент-Остелл – джентльмен, каких в наши дни с трудом сыщешь. Поэтому он бы никогда не допустил, чтобы его племянница, почти дочь, работала в его доме, - женщина ласково мне улыбнулась. – Вот что значит знатная фамилия.

- Не говорите о знатности, - дядюшка махнул рукой. – Сейчас кто угодно может получить родовитость, а настоящая аристократия вымирает. Взять ту же Изабеллу. По её фамилии получается, что она намного знатнее меня. Не в обиду тебе будет сказано, – он подмигнул мне.

Тут добродушная экономка заметила, что я почти ни к чему не притронулась из еды, сказав следующее:

- Да что же вы не едите, мисс? Повариха столько всего наготовила, а вы ничего не берёте.

- Если честно, я даже не знаю, что это за блюда. Я вижу их в первый раз.

- В самом деле? – изумился дядюшка.

- Бедняжка! Не знать родных блюд! И чем вас только там кормили? Тамошние поварихи, должно быть, заморили вас

голодом. А я вот всё думала, почему вы такая худенькая да бледная, но спросить не решалась. Смотрите – здесь рисовый пудинг с яблоками, здесь пирог с мясом и почками, а тут - телячий рубец с мясом, - и она принялась предлагать мне всего понемногу.

Я так и сделала – угостилась маленькими кусочками, и вся эта незнакомая еда пришлась мне по вкусу. Однако распробовать как следует мне не удалось, дядюшка так и сыпал вопросами, на которые мне приходилось отвечать.

- Ты ведь училась в пансионе?

- Да, я проучилась шесть лет в..., - я назвала пансион и место, где он находился. – Затем ещё два года я просто жила там, не обучаясь. Папа не мог забрать меня к себе. Он был слишком занят на Ближнем Востоке, но несколько раз в год приезжал, забирал меня в свой парижский дом, который арендовал на время, а потом мы с ним ходили, куда только можно пожелать – в Оперу, в Тюильри, в Булонский лес, Анатомический театр или ещё куда-нибудь.

- Ты была в Анатомическом театре? - скептически спросил мой родственник.

- Да. Мой отец самым важным в жизни считал образование. Он решил, что я должна знать, как устроен мир.

- Мисс Изабелла, да как же вам не страшно-то было? – вопросила миссис Фэрфакс.

- Наверно, я была подготовлена, - я пожала плечами. – Я много читала, причём таких книг, которые, я уверена, нико-

гда не брали в руки и некоторые мужчины. Я ходила в публичную библиотеку и брала совершенно разные книги, которые мне рекомендовал мой отец. В пансионе у меня было много времени на чтение.

- Да, вернёмся к твоему пансиону. Что именно ты изучала там? - пробасил дядюшка.

- Вы должны знать, какие ныне пансионы. Но если нет, то я скажу. Почти никаких естественнонаучных дисциплин. Немного счёта, языки, пение, музыка и танцы, рисование, вышивание. Всего понемногу. И это лучший пансион! Но я никогда не жаловалась, а нехватку знаний пополняла чтением.

- Значит, ты умеешь всего понемногу. На каких инструментах играешь?

- На фортепьяно и арфе. Стандартный набор для любой образованной девушки.

- А языки?

- На английском я всегда разговаривала с отцом. Французский был для меня вторым родным языком. Итальянский я выучила за последний год. Ещё отец обучал меня латыни и древнегреческому, но если первый я знаю достаточно хорошо, то во втором не продвинулась далее восьми спряжений.

Теперь взрослые смотрели на меня совсем другими глазами – не как на барышню, только и вздыхающую о кавалерах.

- Наверное, я могу спросить тебя о политике. Какую форму правления ты считаешь наиболее благополучной?

- Английскую монархию, дядя. Народом должно управлять разумно, а это возможно только при ограничении абсолютной власти каким-либо органом надзора. Требования двух разных слоёв общества, богатых и бедных, должны быть согласованы при помощи Парламента. Республика же приводит к попустительству, халатности и распущенности, чему пример Франция с её нравами.

- Узнаю слова своего братца. Ты истинная дочь своего отца и очень умная девица. Не так ли, миссис Фэрфакс? – с улыбкой он обратился к даме, которая всё ещё не вышла из оцепенения от удивления.

- Воистину, - только и смогла она произнести.

- Скажи мне, Изабелла, ты воспитывалась в англиканской вере? – вновь обратился он ко мне.

- Да. Моя мать была католичкой, но отец воспитал меня сообразно своей вере. Пользуясь моментом, хочу попросить вас, что если вам нужна моя помощь в каком-нибудь деле или мои знания, вы всегда можете рассчитывать на них. Я всё исполню с превеликим удовольствием.

- Я подумаю, и мы обсудим это позже. Мне не хотелось бы располагать твоим временем, но если ты сама об этом просишь, я что-нибудь придумаю.

Я кивнула.

- Хотелось бы узнать о твоей жизни в Неаполе. Ты вроде бы прожила там с отцом целый год?

- Год и два месяца. У меня не было совершенно никаких

дел или занятий там. Уже тогда отец знал, что мы находимся в чрезвычайно трудном материальном положении. Он подолгу отсутствовал, а дома любил сидеть в саду, любоваться морем и вздыхать. Я часто спрашивала его, почему он так задумчив, но он улыбался и только отвечал, что с ним всё в порядке или же переводил разговор на другую тему. Всю правду я узнала лишь после его смерти от поверенного. – Я рассказала, как поступил старина Ник. – Для меня это оказалось очень тяжёлым потрясением, я до сих пор не могу говорить об этом спокойно, - я справилась с собой, чтобы не начать всхлипывать. – Весь последний год я занималась лишь тем, что гуляла по городу и окрестностям да читала. Я была совершенно свободна в своих действиях, отец перестал уделять мне внимание и почти не интересовался, как я провожу день. Он был погружён в свои тягостные думы, и я до сих пор считаю себя виноватой в том, что никак не смогла облегчить ему душу или чем-то помочь в его последние дни, - я горестно вздохнула и удивилась своему красноречию и тому, что выложила почти на одном дыхании все свои горести.

Дядюшка и миссис Фэрфакс стали утешать меня.

- Ты не виновата в смерти своего отца. Ты ничего не знала, а он хотел уберечь тебя от своих взрослых забот. Он поступил так, чтобы ты жила счастливо.

Их слова звучали мудро, но не так-то легко мне было успокоить свою измученную душу.

Завтрак закончился, и дядя позвал слуг.

- Покажите Изабелле дом и парк, - обратился он к миссис Фэрфакс. – Не забудьте о портном. И, да, после того, как всё закончите, приведите её в библиотеку, и если меня там не будет, то позовите меня, - хозяин аббатства пожал мне руку и вышел из комнаты.

- Можете подождать меня в парке, мисс Изабелла? Я сделаю одно распоряжение и тут же к вам присоединюсь.

Я кивнула и вышла через французское окно, сразу же оказавшись в саду. Я прошла мимо клумб, полных разноцветных цветов, направляясь к розарию, и продолжила удивляться необычным отношениям между моим дядей и экономкой, непохожим на те, что обычно бывают между прислугой и нанимателем.

В розарии пахло очень вкусно. Здесь были некоторые виды цветов, которые я прежде не видела. В Неаполе я помимо сада держала маленькие розы в горшках на окне, но они были обыкновенными фридомами. Здесь же были розы с оранжевыми прожилками, необычной формой бутонов или окраской. Я наклонилась, чтобы понюхать маленькие кустики круглой формы с множеством бутонов.

- Подрезать вам несколько, мисс? – голос позади меня раздался так неожиданно, что я аж подскочила.

Обернувшись, я увидела крепкого парня с чёрными кудрями, падающими ему на глаза. По его одежде я поняла, что это, скорее всего, садовник.

- Вы ведь мисс Изабелла Антония? – произнёс он, не спра-

шивая, но утверждая и разглядывая меня во все глаза. – А я Джон, здешний садовник. То есть не совсем садовник. Сейчас я только учусь. У мистера Сент-Остелла работает мой дядя. Ну и как он вам, правда, замечательный человек? Я про мистера Сент-Остелла. Дядю моего вы должны были видеть вчера, да и меня тоже. Мы все вышли встречать вас, но вы, должно быть, меня не заметили. Обычно на прислугу обращают не так много внимания. Так вы мисс Изабелла Антония?

Почему-то этот паренёк помощник садовника мне сразу не понравился. Вид у него был какой-то нагловатый, и походил он на французских разносчиков газет, которые целыми днями горланят на улицах и ведут себя непочтительно с прохожими. Мне даже подумалось, что это он мог вчера проникнуть ко мне в комнату.

- Я действительно приехала вчера, - холодно отозвалась я, - но была слишком уставшей, чтобы замечать кого бы то ни было. А мистер Сент-Остелл, хоть я и мало его пока знаю, произвёл на меня очень приятное впечатление.

Мне не очень хотелось с ним разговаривать, но я решила ответить на все его вопросы из вежливости. Этому меня научили в пансионе – всегда быть вежливой и спокойной.

- Так срезать вам розы, мисс Изабелла? – повторил он свой первый вопрос, обнажая безупречные зубы.

- Нет. Я больше люблю цветы в земле или в горшках, чем в вазах, - я повернулась, собираясь уйти.

- Уже познакомились с добрым духом?

Я замерла на миг, а затем медленно обернулась.

- Нет. А кто это?

Помощник садовника стоял с самодовольным видом, на его лице была улыбка «мне всё известно».

- Добрый дух обитает здесь уже десяток лет. Он изобличает воров и хозяйничает в господском доме, помогая слугам. Он всегда действует по ночам. Многие говорят, что это неупокоившийся дух семьи Сент-Остелл. У хозяина ведь никого не осталось из родственников, кроме вас. После смерти его жены, между прочим, очень загадочной смерти, он переехал сюда из Лондона, оставил все тамошние развлечения, а здесь обустроился и стал жить затворником. Хотя частенько он уезжает по разным делам, здесь у него довольно времени заниматься какими-то нетопами. А доброго духа так слуги прозвали, хотя по мне это вовсе не дух. Я следил за ним несколько ночей и видел, что он ходит, а духи обычно парят, ну, или мерцают. Я думаю, это человек, которого мистер Сент-Остелл от всех прячет. Здесь кроется какая-то тайна, и я уверен, что найду разгадку. Однако тот человек, который выдаёт себя за духа, не дурак, ему не хочется сидеть взаперти, вот он и выходит по ночам. Я уже знаю, что он живёт где-то в разрушенном крыле, - и он гордо напыжился, как индюк.

Мне не понравилась его манера разговора, но он позабавил меня тем, что назвал дядюшкины опыты нетопами, а его слова про духа не произвели на меня впечатления. Но кое-

чем я всё же заинтересовалась:

- Здесь есть разрушенное крыло?

Но Джон не успел ответить, нас прервала миссис Фэрфакс, которая уже стояла рядом.

- Джон, не успел познакомиться с мисс Изабеллой, как уже рассказываешь ей свои выдумки? Нечего здесь вертеться. У тебя мало работы? Я могу дать ещё.

- Увидимся, - бросил он мне, козырнул рукой и ушёл.

Миссис Фэрфакс встала на его место.

- Простите, мисс, мою задержку, но я просто не успеваю за всем проследить. Надеюсь, он вам не докучал? – мы вышли из розария и двинулись в сторону парка по тропинке.

- Ещё не успел, - я мягко улыбнулась. – Такой нагловатый парень, называет меня мисс Изабеллой, будто я ему родственница.

- Это моя вина, мисс. Я сказала слугам, что они могут называть вас мисс Изабеллой. Им очень трудно произносить вашу тройную фамилию и не делать ошибок. Вы не против?

- Нет, просто я об этом не знала. Думаю, вы, миссис Фэрфакс, тогда можете называть меня просто по имени. Мне очень неудобно, когда такая знатная и мудрая женщина ведёт себя со мной, как тот же самый Джон, например.

Ей польстили мои слова, и она зарделась как юная дева.

- Вы очень добры, Изабелла.

- А это всё правда, что Джон наговорил сейчас про доброго духа? Здесь в самом деле кто-то обитает? – принялась

я расспрашивать добрую женщину.

- Здесь нет никого потустороннего. Это всё выдумки Джона. Слуги много чего болтают, а он многое воспринимает не так. Юн ещё. Порой случаются необычные вещи, но я не думаю, что это мог бы быть какой-нибудь дух.

- Что же случается?

- Ну, например, был найден куриный вор. Пару месяцев пропадали из хозяйского курятника птицы самым загадочным образом, а мистер Сент-Остелл всё сердился, что никак не могут найти вора. И вот вдруг однажды рано утром у курятника был найден связанный мужчина, родом из деревни неподалёку. У него был очень напуганный вид, и он тут же признался во всех кражах. Затем прислуга разнесла глупую историю, что на него напал призрак с ужасным изуродованным лицом. Лицо тот вор якобы разглядел, когда у призрака упал капюшон. И вот этот призрак пригрозил убить его следующей же ночью, если он не сознается во всём, а затем он же его и связал, оставив так до утра. И раньше происходили непонятные вещи, но только после этого случая все в аббатстве заговорили о таинственном призраке - добром духе, как его прозвали в здешних местах.

- А вы сами замечали что-нибудь необычное?

- Да, несколько раз в своих комнатах я находила прекрасные цветы в вазах. Только вот не думаю, что это дух, скорее уж Джон. Не знаю, где он берёт ключи от моей комнаты, да как туда пробирается незамеченным. Он станет хорошим са-

довником, цветы растут у него замечательно, только поведение порой хромает.

- Он, кстати, упомянул, что в аббатстве есть разрушенное крыло. Это правда?

- Да, - миссис Фэрфакс указала на левую часть здания. – Отсюда не видно, но, когда мы обойдём замок, вы увидите, что всё левое крыло нежилое и частью сильно разрушенное. Туда никто не заходит, а в главной галерее дверь в ту сторону заперта на замок. Многие поколения Сент-Остеллов перестраивали аббатство по своему вкусу или по тогдашней моде. Более века назад семья обеднела. Они закрыли часть аббатства и не занимались им, затем дела их поправились, но левое крыло так и осталось заброшенным. Когда мистер Сент-Остелл переехал сюда, он тоже не стал ничего менять. Замок слишком велик, а людей здесь живёт очень мало, чтобы появилась необходимость восстанавливать левое крыло.

- И вы не знаете, что там? Ни разу не заглядывали?

- Я знаю, о чём вы подумали, Изабелла. Нет, я никогда не бывала там. У меня много дел и мне некогда ходить по разрушенным комнатам, да это и небезопасно. К тому же у меня нет ключей от двери, я даже не знаю, существуют ли они. Замок очень старый, но вы сможете сами всё увидеть и убедиться, когда мы начнём осматривать дом. И уверяю вас, что никакой дух в левом крыле не обитает. Повторяю, что это всё слухи да одни выдумки.

- Я тоже так думаю, - согласилась я, и на этом наш разго-

вор о таинственном прекратился.

Мы гуляли по парку, и миссис Фэрфакс рассказывала мне о славных предках Сент-Остелла и о том, что каждый из них сделал для аббатства. Вокруг было очень красиво: несмотря на то, что лето заканчивалось, листва ещё не думала опадать, а цветы пестрели разноцветными пятнами. Я почти не слушала свою собеседницу, меня полностью увлекло созерцание растительности. Мы ходили по дорожкам, гуляли по аллеям, обошли пруды. Миссис Фэрфакс показала мне не только хозяйственные пристройки, но и конюшни, псарню, птичник и скотный двор. Всё это было личным хозяйством мистера Сент-Остелла, и он сам пожелал, чтобы оно находилось так близко от его жилища.

Мы подошли к ограде, что отделяла парк от вересковых пустошей, которые тянулись вдаль до бесконечности, насколько я могла видеть.

- Не правда ли красиво? – обратилась ко мне моя спутница.

Но я не могла с ней согласиться. Я привыкла к буйной растительности Франции и особенно Италии, а эти пустоши наводили на меня непреходящую тоску по прошлому.

Мы вернулись к аббатству и подошли к заброшенному крылу. Выглянувшее на миг солнце осветило это загадочное место, а затем вновь скрылось в серых слоистых облаках.

Эта часть крыла представляла довольно убогий вид, и я подумала, что внутри должно быть ещё хуже, чем снаружи.

Все окна были заколочены, парапет на крыше частично обрушился, стены густо заросли плющом и чем-то ещё (они были столь мощны, что время не разрушило их), а до самых окон первого этажа лежали груды камней и щебёнки вперемешку с сорными травами. Должно быть, прежние хозяева привезли сюда камни, чтобы что-то достроить, но потом забросили эту затею и не довели начатое до конца. Как бы мне не хотелось, я не могла подойти ближе, поэтому мы стали возвращаться к главному входу.

Миссис Фэрфакс кратко рассказала мне историю Бридлингтона.

- Само аббатство было построено в 1282 году и первоначально было католическим. Однако не прошло и двухсот лет, как неведомая болезнь пришла на эти земли и полностью истребила всех монахов. Существует легенда, что их всех постигла кара небесная за то, что они были очень жестоки по отношению к простому люду. Потом здание пустовало долгие десятилетия. Сейчас от первоначального облика сохранились только фундаменты да подземелье. После Реформации католики были изгнаны из Англии, и сам король в награду за доблесть и мужество подарил предку мистера Сент-Остелла это аббатство и многие земли вокруг. Тогда-то и началась глобальная перестройка.

Но тут я удивлённо вскрикнула, и миссис Фэрфакс замолкла, посмотрев на то же, что и я.

А я увидела его – того, кого не заметила вчера.

Над главным входом возвышался, расположившись на крыше, мраморный ангел с распростёртыми крыльями и вскинутыми вверх руками, державшими меч. Вся его поза указывала на то, что он вот-вот поразит земного врага или дракона, или владельца преисподней.

- Это защитник аббатства. Святой Ангел. Сто лет назад его заказал прадед твоего дяди – сэр Уолтер Фредерик Сент-Остелл. Вы не поверите, Изабелла, но за это время ни разу не случалось пожара и не было никаких бедствий. Святого Ангела почитают как защитника здешних территорий. Крестьяне уважают эту статую, а её уменьшенная копия находится в нашей церкви.

Мы подошли ещё ближе, и я посмотрела вверх. Казалось, что ангел слетел с небес и вот-вот поразит меня мечом. Я прямо почувствовала, как колышутся перья на его крыльях – так живо все детали вырезал скульптор.

- Впечатляет, не правда ли? – благоговейно произнесла миссис Фэрфакс.

- Должно быть, великий мастер создал его, - предположила я, всё ещё не отрываясь от ангела.

- О мастере знаю одно - он приехал из Италии. Тебе судить, лучше или хуже остальных итальянских статуй эта.

- Очень большая статуя, - только и смогла сказать я и покачала головой.

Мы вошли в дом, и миссис Фэрфакс стала водить меня по этажам, показывая комнаты.

На первом этаже располагались большая гостиная, столовая, в которой я ужинала вчера, комната для завтрака, в которой мы беседовали утром, большой холл, несколько залов, а потом кухня и другие хозяйские помещения.

В правом крыле второго этажа обитала я в самом конце коридора, затем шла комната Джил, через несколько пустых комнат для гостей жил мой дядя, затем шли две маленьких комнатки миссис Фэрфакс, которая жила отдельно от всех остальных слуг, поближе к мистеру Сенгт-Остеллу, чтобы в любое время явиться незамедлительно по первому его зову.

На последнем этаже жили слуги, хранились разные вещи. Мы просто обошли этот этаж, но не стали заглядывать в комнаты. Моя спутница понемногу рассказывала мне о доме и его обитателях, а если встречалась прислуга, то знакомила меня.

Комнат в этом замке наверняка было не меньше сотни (сама миссис Фэрфакс не знала их количества), и я понемногу привыкала к большим пространствам. К тому же многое было заперто, многое пустовало.

Во всех помещениях, куда мы заходили, имелись диковинки. Всё было расставлено с большим вкусом, но на современный лад.

- Все эти оригинальные сувениры хозяин привёз из дальних стран, в которых он побывал в юности, - пояснила мне старая дама, заметив, что я с удивлением разглядываю предметы на каминной полке и рассматриваю фарфоровые часы.

– В двадцать семь лет он женился, но его жена прожила всего несколько лет. Она умерла, родив дочь, которая не прожила и полугода. Замечательная она была женщина. Это она распоряжалась тогда всеми этими комнатами и садом, и то, что вы сейчас видите, расставлено её заботливой рукой. Я ничего не меняла со дня её смерти и запретила слугам переставлять, а мистер Сент-Остелл весь отдался науке, но я вижу, как ему приятно, что в доме ничего не изменилось.

Я мало что знаю о жизни семьи до того момента, как Валентин предложил мне место экономки. Я никогда не видела твоего отца, Изабелла, а с Валентином впервые познакомилась, когда он вернулся из южных стран, но ненадолго. Он тогда был ещё очень молодым, и ему не сиделось на месте. Я одна приглядывала за хозяйством в Бридлингтоне. Через семь лет он вновь приехал сюда, но уже с молодой женой. Она была испанкой, чрезвычайно красивой. По-доброму она относилась ко мне, царство ей небесное, милой женщине.

Но она умерла, умер и единственный ребёнок. С горя мистер Сент-Остелл уехал в Лондон и обосновался там – заседал в Парламенте, занимался наукой. Лет десять назад он прекратил свои странствия и, как видно, обосновался здесь навсегда. Сказал, что решил остепениться и проводить опыты в домашнем спокойствии. Эту склонность к исследованиям он имел в себе с малых лет.

Я так была рада его приезду. Я всегда утешала его, помогая справиться с горем, а теперь вот и вовсе стала ему доб-

рым другом и помощницей. Только недовольна я, что не женился он вновь. Я позволяю себе иногда напоминать ему об этом, но он лишь отмахивается. Женская рука ему-то нужна. Он стареет, а я не могу заменить ему семью. Потому-то и хорошо, что вы приехали. Будете ему радостью на старость лет.

Я со всей искренностью поблагодарила старушку за добрые слова.

Мы снова вернулись на первый этаж, и миссис Фэрфакс отвела меня в танцевальный зал.

Это было по-настоящему гигантское помещение, больше всех прочих, что мне довелось увидеть во всём замке. Не менее двадцати пяти танцующих пар могли уместиться здесь. Паркет слегка потускнел от времени, а одна стена была полностью отведена под огромное зеркало, чтобы свет от свечей зрительно увеличивал пространство и сильнее освещал его. Лет тридцать назад это считалось модной новинкой, но сейчас дядюшкино электричество спокойно могло освещать зал в достаточной мере. Пара французских окон, завешанных тяжёлыми шторами, открывала путь в ночную прохладу сада.

- Неужели раньше здесь гостило столько народу? – подивилась я, разглядывая расписанный яркими красками потолок на мифическую тему.

- Когда здесь жила миссис Сент-Остелл, дом всегда был наполнен людьми. У неё было много друзей, но где они сейчас…, - вздохнула экономка. – Теперь к хозяину изред-

ка приезжает мистер Тесла. Он тоже занимается наукой, но живёт в Ирландии. Иногда бывает, что переночует доктор Дженкинс, лондонский врач и просто хороший знакомый Валентина.

Мы прошли в соседнюю комнату – музыкальный салон. Здесь находились фортепьяно и арфа, но я не стала подходить ближе.

- Вы ведь играете, Изабелла. Мистер Сент-Остелл перед вашим приездом специально пригласил мастера, и теперь вы можете не беспокоиться насчёт качества звука. В библиотеке есть небольшой рояль, но здесь инструменты лучше.

- Не сейчас, - покачала я головой, зная, что может произойти, если начну играть.

Мы прошли комнату насквозь, чтобы выйти из противоположной двери, но тут моё внимание привлекла скрипка, лежащая в самом тёмном углу у стены на комоде.

- На скрипке кто-то играет? – спросила я.

- Нет. Я не помню, чтобы кто-то из прислуги умел играть на скрипке, а значит, она лежит здесь давно. Возможно, скрипача уже давно нет на свете, а его инструмент лежит позабытый до сих пор.

- Странно, - я пожала плечами, взяв инструмент в руки. – Она настроена, и у неё не запущенный вид.

- Да? – удивилась миссис Фэрфакс и подошла ко мне. Я продемонстрировала ей отполированную поверхность и туго натянутые струны.

- Знаете, Джил слышала пару раз рано утром, как здесь кто-то играет, но как только она подходила ближе, звуки исчезали, но в комнате ни разу не замечалось присутствия кого-либо.

- Может, кто-то играет, но не хочет, чтобы об этом знали? – высказала я своё предположение, и мы покинули музыкальный салон.

- Но уж точно не дух, - и мы обе рассмеялись, а затем экономка снова повела меня наверх.

В центральном коридоре второго этажа она открыла для меня комнату чучел. Здесь, как объяснила мне моя спутница, хранились чучела животных из разных стран. Коллекцию составляли предки мистера Сент-Остелла. Сам он никогда не убивал зверей и птиц и не любил этого дела, потому что считал жестокостью убийства невинных существ, но к этой коллекции проявлял уважение, как к памяти своих предков. И я не увидела ни на одном чучеле ни единой пылинки, хотя здесь было очень и очень много животных, а стены были увешаны рогами, птицами и оленьими мордами на медальонах. Было даже два скелета вымерших существ – птицы додо и мамонта.

Рядом с этой комнатой соседствовала картинная галерея. Самые разные портреты членов семьи Сент-Остелл занимали стены от пола до потолка. В старинных одеждах разных эпох модные художники запечатлевали их на полотне, а сейчас их рассматривала я, в некотором роде тоже причастная к

этому семейству. Лица на портретах смотрели на меня важно, с достоинством, в них чувствовалось благородство и красота. С лёгкостью можно было догадаться, что все эти люди были необычайно умны и занимали видное положение в обществе.

Миссис Фэрфакс зажгла электрическую лампу, и я заметила, что здесь присутствует немного пейзажей и натюрмортов. Однако, повидав множество полотен в Европе, я поняла, что эти уступают по красоте и мастерству своим итальянским и французским собратьям, чего нельзя было сказать о портретах, которые я могла причислить к настоящим шедеврам.

В небольшом стеклянном шкафчике хранились маленькие портреты, которые невозможно было поместить на стену, так как они были предназначены для ношения в качестве памятного сувенира в кармане или в мешочке, какой был у меня. В глаза сразу бросился небольшой портрет прекрасной молодой женщины на медальоне: блондинка, имеющая классический нос, большие глаза и очень одухотворённое выражение лица. Казалось, она вот-вот должна улыбнуться – художник запечатлел её именно в этот момент.

Я наклонилась ближе, рассматривая её. Она была немного похожа на меня. У меня вдруг промелькнула мысль, что это могла бы быть моя мать, но я сразу отринула её, потому что это было невозможно. Отец не рассказывал мне о том, чтобы её рисовали, а мама никогда не бывала в Англии и в глаза не

видела мистера Сент-Остелла.

- Кто здесь изображён? – спросила я, указывая на блондиночку.

- Не знаю, Изабелла, - ответила она после того, как нацепила очки и внимательно осмотрела изображение. – Я здесь была всего два раза, но знаю, что все портреты подписаны и по возможности проставлена дата. Сама миссис Сент-Остелл занималась этим. Мы можем посмотреть, если хотите.

- Если можно, пожалуйста.

Миссис Фэрфакс подняла стекло, и я взяла с бархатной подушечки портрет таинственной женщины. На обороте медальона не было ни даты, ни подписи. Я покрутила и так, и эдак, но не нашла ничего, что могло бы раскрыть эту тайну. Экономка с любопытством наблюдала за моими действиями.

- Эта юная леди чем-то похожа на вас, - наконец произнесла она, и я замерла в ожидании её дальнейших слов.

Она взяла из моих рук портрет.

- Все Сент-Остеллы похожи друг на друга разрезом глаз. У неё же, как и у вас, большие глаза, а это означает, что она не принадлежит к прямой ветви семьи. Больше ничего сказать не могу.

- Мой отец был родным братом мистера Сент-Остелла, - возразила я, кладя портрет на место.

- Знаю, милая. Ты можешь спросить у дяди об этом портрете.

Потом миссис Фэрфакс показала мне запертую дверь, ве-

дущую к левому крылу. Такие двери были на всех этажах, и их все скрывал алый занавес, как пояснила моя любезная сопроводительница, чтобы не вызывать любопытства слуг и в эстетических целях. Двери выглядели очень мощными и старыми. Я подёргала их, но, как и было сказано, они были заперты. Старая дама разрешила мне заглянуть в замочную скважину, но я не увидела ничего, кроме темноты.

На этом наш осмотр аббатства Бридлингтон закончился.

Портной уже прибыл и ожидал внизу. Миссис Фэрфакс отправила посыльного за ним ещё в то время, когда я была с розами и Джоном. Он прибыл из городка, что в полутора часах ходьбы от аббатства. Там же находилась и церковь с копией Святого Ангела, куда ходили все здешние. Прежде обитатели замка ходили в собственную часовню, расположенную неподалёку, но она уже несколько десятилетий не использовалась и находилась в полуразрушенном состоянии.

- Миссис Фэрфакс, а почему мы не осмотрели круглую и квадратную башни, а также часовню, про которую вы упомянули вскользь? - поинтересовалась я на пути к портному.

- В башнях работает мистер Сент-Остелл, там его лаборатории. Я никогда не захожу туда по его просьбе. Попросите его отвести вас туда, и он гораздо лучше меня объяснит вам всё. Что касается часовни, то она в таком ветхом состоянии, что заходить в неё небезопасно. Там нечего смотреть – просто пустое здание в руинах.

Мы пришли в комнату, где нас ожидали. Портного звали

мистер Прайс.

- Мисс Берн-Сент-Эдмендс, как поживаете? – сказал он, окинув моё платье оценивающим взглядом, от которого я невольно поёжилась.

Экономка оставила меня одну, полагая, что её помощь не понадобится.

С меня сняли мерку, а потом в течение получаса Мистер Прайс расспрашивал меня о том, какой цвет я предпочитаю, какие фасоны ношу, нравится ли мне английская мода. Узнав, что весь последний год я одевалась по парижской моде, он сказал, что всё будет готово через две недели, откланялся и ушёл.

Я осталась размышлять в комнате с панелями.

Через две недели наступало моё день рождение. Это была пора, когда природа ещё не совсем увядает и отдаёт последние дары своим жильцам. Я вспомнила, как на прошлое день рождения мы с отцом объедались фруктами, как он подарил мне брошь с бриллиантами. Её мне пришлось продать, когда я расплачивалась с его долгами.

В ту пору я ещё жила беззаботно.

Потекли тихие слёзы. При воспоминаниях об Италии щемило сердце.

Вошла миссис Фэрфакс. Я успела отереть рукавом лицо, но она заметила, что я чем-то опечалена.

- Я просто вспоминала, - тихо сказала я, глядя в окно.

Добрая женщина попыталась утешить меня, чтобы я не

унывала, и сказала, что впереди меня будут ждать хорошие светлые дни. Она обещала познакомить меня со священником, чтобы я могла поговорить с ним. От неё не укрылось, как я страдаю без своего дорогого отца.

Я поблагодарила её, и она отвела меня в библиотеку, которая находилась на втором этаже в главном коридоре рядом с комнатами мистера Сент-Остелла.

- Иногда он сидит здесь ночами. Вы подождите здесь, пока я его позову. Полистайте книги или, если хотите, здесь есть небольшой рояль, - она открыла для меня дверь и оставила одну.

- Какая большая библиотека! – подумалось мне, едва я взглянула на полки.

Гигантские шкафы стояли вдоль стен и от пола до потолка они сплошь были забиты книгами. У окна стоял дубовый стол девственно чистый, не считая чернильницы, пера и карандашей, и два стула. В центре комнаты под массивной чугунной люстрой находился небольшой кабинетный рояль. Натёртый паркет выглядел не совсем новым, но отлично передавал дух этого помещения – задумчивость и меланхолию. Несомненно, что мистер Сент-Остелл проводил здесь многие часы. Здесь чувствовался уют, это был словно маленький дом в доме.

Вид из окна выходил на пруды. Я увидела вышагивающих по дорожке садовника и Джона, тащившего какие-то гигантские корзины. Они подходили всё ближе и ближе к зам-

ку, и вот, проходя под окнами библиотеки, молодой человек взглянул вверх, кивнул мне и улыбнулся.

Я быстро отпрянула. Мне это совсем не понравилось. И как он только узнал, что сейчас я нахожусь именно в библиотеке?

Чтобы отвлечься, я подошла к шкафам и открыла одну из стеклянных створок, провела пальцем по многим и многим корешкам. К сожалению, здесь не было порядка, какой обычно принят в библиотеках. Книги стояли в разнобой, натыканные повсюду, где только нашлось им место, не зная расстановки ни по алфавиту, ни по авторам. Как дядюшка вообще находил здесь что-то? Я попыталась вынуть одну, но это было не так-то просто. Полка была набита так туго, что, как я ни старалась, пальцы лишь скользили по корешку. Пришлось закрыть дверцу.

Я подошла к роялю, провела по крышке рукой и подумала, что если сыграть одну пьеску, ничего страшного не случится. Усевшись, я открыла клавиатуру, раздумывая, что именно сыграть.

Я очень любила музыку. Когда я играла, то забывала обо всём. Я сливалась с мелодией и, это может показаться странным, видела звуки в цвете – разноцветные пятна, непонятные узоры сливались и переплетались перед моими глазами, пока руки порхали над клавишами. В процессе игры я отдавала частичку своей души небесам, а, закончив, всегда чувствовала некоторую усталость.

Отец не держал инструменты. Он любил музыку, но хотел, чтобы знания я ценила превыше всего. Именно поэтому я никогда не жаловалась ему на свою жизнь в пансионе: как бы плохо мне не было, там я могла упражняться в музыке каждый день. Особенно плодотворными были два последних года.

В качестве разогрева я сыграла «Сурка». За год я не утратила навык, и вновь после долгой разлуки краски вернулись ко мне.

Затем прозвучала «Песнь Земфиры». Мой голос разносился по всей библиотеке. Я пела про несчастную страдалицу, пока руки делали своё дело.

Я обладаю красивым колоратурным сопрано и могла бы петь в опере. За это меня не любили другие воспитанницы, завидуя моему таланту, моей тонкой музыкальности.

Ещё на первом году обучения, когда я впервые поняла, что вижу звуки, я всем рассказала об этом, но никто не поверил мне. Меня стали высмеивать, а потом несколько лет продолжали считать вруньей. Обычные девочки не могли поверить в мою особенность. Классные дамы же относились должным образом к моему таланту, потому что от моих побед в конкурсах повышался престиж пансиона, а ещё потому, что отец платил значительные суммы за моё обучение. Им было важно, чтобы я ни в коем случае не покинула их. Я была лишена подруг, которым могла бы доверять свои секреты, и все эти годы со мной была только музыка. Когда же я

жила с отцом, о музыке приходилось забывать, но я не сожалела об этом. Отец загружал меня настолько списком того, что мне было необходимо прочесть, что даже в этом я всегда чувствовала его любовь, и не было ни дня, чтобы мне пришлось скучать рядом с ним.

Я продолжила играть грустные мелодии, выплёскивая через музыку состояние своей души и наслаждаясь единением звука и цвета.

Вдруг я заметила, что уже не одна в библиотеке. Мистер Сент-Остелл замер у порога, и сразу рояль перестал звучать, уступив место тишине.

- Это было божественно! – похвалил он. Я заметила на его глазах слёзы – впечатление от моей музыки. – Изабелла, ты поёшь и играешь лучше кого бы то ни было! У тебя великий дар от природы. Это тебя так научили в пансионе играть?

- Нет, дядя, - я закрыла крышку рояля и отнесла стул на место. – В пансионе, быть может, мне заложили основы игры, но не они помогли мне развить мой дар. Я просто хорошо чувствую музыку.

Дядюшка уселся за стол и указал мне жестом сесть напротив него.

- Замечательно! – он покачал головой. – Ты могла бы играть и петь для меня и миссис Фэрфакс. Она уже слышала?

- Ещё нет.

- Тем лучше для неё. Пусть это будет сюрприз, но только тебе следует подготовить что-нибудь повеселее. Моя эко-

номка очень чувствительная женщина, и мне не хотелось бы вызывать для неё аптекаря или доктора Дженкинса, - он улыбнулся мне, а потом достал очки и надел их. – Приходи сюда в любое время, когда пожелаешь; играй и выбирай для чтения любые книги. Но советую по вечерам не засиживаться подолгу – здесь нет камина. Я не рискую своими ценными экземплярами и пользуюсь электричеством здесь, несмотря на сквозняки.

- Благодарю вас, дядя.

- Ты милая девушка, Изабелла. Это и твой дом тоже, не забывай об этом. А теперь скажи мне, портной уже приходил?

- Да. Он обещал, что через две недели моя одежда будет готова. Миссис Фэрфакс показала мне аббатство, как вы велели, а в библиотеке оставила, потому что вы сами просили меня сюда привести.

- Да, помню. Я буду очень тебе обязан, если ты поможешь мне в одном деле. – Он встал, подошёл к одному шкафу и взял оттуда несколько свитков и пару книг, а затем положил их передо мной. – Вот то, что необходимо перевести с латыни на грамотный современный английский язык. У меня так и не хватило времени заняться этим, так что твоя помощь будет мне очень кстати.

Я пролистала страницы первой книги. Это оказался словарь.

- Тебе на всякий случай, - пояснил он. – Переводи мед-

ленно, не спеши и не наделай ошибок, но занимайся недолго, чтобы не устать. Мне не хотелось бы, чтобы моя племянница переутомилась, засевши за ученье, как старый сыч, каким являюсь я.

- Не волнуйтесь. Я всё сделаю, как следует, будьте уверены.

- Вот и договорились, - он сложил всё ровной стопкой. – Ложу в ящик стола, чернила и перо видишь перед собой. Если понадобится что-то ещё, вот колокольчик.

- Дядюшка, а вы могли бы ответить на один вопрос?

Тут я рассказала ему о портрете в галерее и спросила, кто эта женщина.

Мой родственник как-то притих, и я почувствовала, как в нём произошла перемена, хотя явно он этого не показывал.

- Я не помню всех портретов и не могу тебе сказать, кто точно изображён. Если ты видела медальон, то, скорее всего, это моя двоюродная бабка в молодости. Она была красавица и блондинка, а её портрет был предназначен в подарок молодому гвардейцу. Тебе стоило спросить миссис Фэрфакс, она знает лучше меня.

- В том-то и дело, что она не знает, - я дёрнула плечиком. – Может, мы сходим вместе сейчас и посмотрим?

- Не уверен, - он бросил взгляд на часы. – Пятичасовой чай через десять минут, - он резко встал. Я поняла, что он нарочно хочет перевести разговор на что-то другое. – Пойдём вниз, Изабелла.

Я слегка обиделась, но решила не настаивать, а в следующий раз снова сходить и посмотреть на блондинку. Я пообещала себе, что разгадаю эту тайну.

Мы спустились на первый этаж и прошли в чайную комнату. Она была сплошь заставлена диванами, креслами и разнообразными подушками, чтобы во время чая можно было хорошенько отдохнуть. Несомненно, комната была в восточном стиле – я видела картинки таких.

Я устроилась очень удобно на диване, прислонившись к спинке и ощутив всю мягкость обивки. За день я столько находилась, что теперь устала и с удовольствием бы выпила чашечку. Время пролетело незаметно, пока я осматривала Бридлингтон.

Миссис Фэрфакс подошла через пять минут и при помощи служанки стала разливать нам чай. В это время ко мне обратился мистер Сент-Остелл:

- Изабелла, тебя уже предупредили, что я не терплю, когда опаздывают к столу? Но есть ещё одно неукоснительное требование – к обеду необходимо переодеваться в другое платье. Пока я не требую этого от тебя, но, как только ты сменишь гардероб, тебе следует не забывать об этом. Я человек очень строгих взглядов, чтящий традиции предков, как и многие англичане. Не знаю, рассказывал ли тебе об этом отец и было ли принято это у вас.

- Хорошо, дядя, - я взяла чашку, поблагодарив миссис Фэрфакс. – Я раньше не переодевалась, но теперь стану это

делать ради вас. Я вам так за всё благодарна.

- Изабелла, - с упрёком взглянул на меня дядюшка, - я ведь так мало для тебя сделал.

Миссис Фэрфакс отпустила служанку, и дядюшка стал рассказывать о жизни аббатства, пока я ела ветчину с поджаренным хлебом и пила чай. Я не переставала удивляться большому хозяйству, которое имелось в аббатстве, и спросила дядюшку, как он успевает за всем приглядывать.

- Хозяйством занимается миссис Фэрфакс. Она ведёт все расходы, распоряжается слугами и докладывает мне обо всём, поэтому я знаю, как обстоят наши дела. Я же почти весь день занимаюсь наукой. В основном мои труды посвящены магнитным теориям, но отчасти я затрагиваю электрические явления. Вообще же считаю, что они непрерывно связаны. Всё освещение, что ты здесь видишь, работает по моей теории единения электрического и магнитного. Именно земной магнетизм даёт электрическое освещение аббатству.

Тут он пустился в научные рассуждения, и я вовсе перестала понимать его. Вот он прервался, чтобы сделать глоток, и я быстренько спросила:

- Не могли бы вы показать мне, что находится внутри ваших башен?

- А ты уверена, что хочешь взглянуть? – лукаво спросил он, подмигивая.

- Мне просто интересно, - я пожала плечами, при этом чай чуть не выплеснулся, и мне пришлось принять чинную позу.

- Хорошо, я покажу тебе завтра.

Мы допили чай, побеседовав ещё немного о пустяках. Дядя заметил, что погода изменилась к лучшему с моим приездом. По его словам, до этого целую неделю лил дождь. А затем он попросил меня поиграть для них. Я не могла противиться соблазну, и мы прошли в музыкальный салон.

Для начала я слегка размялась, исполняя на арфе вальяжные французские песенки из кабаре и прочих увеселительных заведений. Несмотря на всё совершенство игры, взрослым не слишком понравилось содержание песен, так как я дважды напевала – сначала по-французски, а затем по-английски специально для миссис Фэрфакс, которая не знала других языков. Я нисколько не обиделась, что меня попросили спеть о чём-нибудь другом. Я поняла, что им не нравились только слова, а не моё исполнение.

На себе лично я убедилась в английской чопорности, когда дядюшка недовольно сказал:

- Очень дурно, что ты знаешь такие песни, Изабелла. Благовоспитанной девице из пансиона это не к лицу. Надеюсь, впредь я никогда не услышу из твоих уст ничего подобного.

- Простите меня, - сказала я тихо, пересаживаясь за фортепьяно.

Но экономка не дала мне начать, она слегка пожурила меня, а затем посетовала, что мне не привили достаточно нравственности. Отсутствие у меня матери и недостаточный надзор за девицами в современных пансионах, по её словам, бы-

ли всему виной. Однако, как только её поток слов иссяк и мои пальцы коснулись клавиш, воцарилась музыка.

Я исполняла партии из итальянских опер и сама упивалась чувством, которое создавала. Более года не бралась я за инструмент и сейчас выплёскивала своё счастье через слова влюблённых девиц и обманутых жён, которыми так полны эти оперы.

Я была уверена, что мой голос и моя игра проникают в самое сердце моих слушателей, так как я иногда посматривала на них и видела, как они замерли и как внимают мне. Моё чудное колоратурное сопрано разносилось по всему салону до тех пор, пока я не заметила, что у дверей застыли дворецкий Джонатан и повариха Джуди, и перестала играть.

Дядюшка, заметив, куда я смотрю, повернулся и спросил, чего хочет прислуга.

- Сэр, я искал вас, чтобы объявить, что ужин подан, - он поклонился и взглянул на меня. – Но, услышав такой прекрасный голосок юной мисс, не мог заставить себя прервать её, не дослушав до конца.

- Я же, сэр, - добавила Джуди, - ждала десять минут, пока вернётся Джонатан, но, не дождавшись, решила сама отправиться на его поиски. Увидев его здесь, застывшего в дверях, я уж было хотела позвать его, но чудная игра и меня заставила забыть обо всём, - и её сверкающие от возбуждения глаза обратились в мою сторону.

Я молча улыбнулась.

- Да, Изабелла, твоё исполнение было чудесным, - восторженно произнесла миссис Фэрфакс. – Мне понравилось, несмотря на то, что я не поняла ни слова по-итальянски.

- Неужели так быстро пролетело время? – изумился хозяин аббатства. – Я позабыл обо всём благодаря тебе, племянница. Если так и дальше пойдёт, все мои люди позабудут о своих делах и станут собираться здесь, слушая тебя. Скорей же, скорей пойдёмте за стол, - и он предложил мне руку.

Проходя мимо слуг, я всё ещё улыбалась, но смотрела в пол и крепко держалась за дядюшку.

Когда мы все расселись за обеденным столом, я снова подивилась размерам столовой – тут уместилось бы не менее двух дюжин человек.

- Ваш дом напоминает мне замок чудес, - осмелилась высказаться вслух я. – И при этом я чувствую некоторое сожаление – здесь обитает так мало людей и так много комнат пустует, - я в задумчивости помешала суп ложкой.

- Времена меняются, Изабелла, как и люди, - ответил дядюшка, отпивая из бокала и принимаясь за щедрый кусок бифштекса. – А вот дома неизменны! – и словно согласившись с этим, он воздел вилку с мясом к потолку.

- И не только дома, - добавила экономка, но я не совсем поняла, что она хотела этим сказать.

Мы продолжили есть в молчании, и я спокойно могла распробовать английские блюда и насладиться новыми вкусами. А ещё я поглядывала на электрическую люстру, дивясь уму

и изобретательности своего родственника.

Через какое-то время я почувствовала себя дурно – сказался насыщенный событиями день. Я не только устала от длительной ходьбы по окрестностям, но и отдала частичку души игре и пению.

От наблюдательной миссис Фэрфакс не укрылось, что я больше копаю вилкой, чем ем.

- Я немного устала за день, - призналась я, и дядюшка одарил меня встревоженным взглядом. – Ничего серьёзного, но есть мне больше не хочется.

- Уверена, что тебя больше ничего не тревожит?

- Нет, это простая слабость, но я ещё посижу с вами.

Однако было велено позвать Джил, и, когда она вошла, ей отдали распоряжение немедленно приготовить мне постель, а мне наказали сразу лечь, несмотря на столь раннее время.

- А ведь я за день ни разу не вошла к себе, - сказала я перед тем, как покинуть столовую. – Наверное, я бы чувствовала себя лучше, если бы посидела какое-то время спокойно. А так – весь день на ногах.

- Сегодняшний день выдался не из лёгких для тебя, и всё по моей вине, а ведь я обещал, что тебе не будет здесь плохо.

Но миссис Фэрфакс перебила моего дядю и принялась сама извиняться за то, что водила меня по аббатству и не подумала о моём отдыхе. Мне с трудом удалось успокоить их, но мой опекун всё же велел Джонатану проводить меня до моих комнат, потому что Джил ушла вперёд готовить постель.

Дворецкий был высоким сухощавым стариком, но его безупречные манеры и поведение сообщили мне о том, что он прослужил в этой должности всю свою долгую жизнь и провёл её среди лучших представителей семейства Сент-Остелл. Я поблагодарила его за помощь у дверей в свои покои.

- Это я должен благодарю вас, мисс, за музыку, которую мне довелось услышать, - он поклонился и быстро удалился, возможно, специально, чтобы я не стала возражать.

В спальне Джил уже заканчивала взбивать мне подушки, а огонь ярко полыхал в камине.

- Как вам наше аббатство, мисс? Понравилось? – сразу вопросила она, едва я вошла.

- Да, замок велик. Но я слишком устала и хотела бы поскорее лечь. Принеси мне грелку и можешь быть свободна. Я сама разденусь, - я села на краешек кровати.

После того как моя горничная принесла требуемое и удалилась, я переоделась и вновь отметила про себя, что мои одеяния не подходят для здешних ночей. Я расчесала волосы, поглядела на два своих талисмана, погрустила, помолилась и легла, но сон всё не шёл. Тело моё нуждалось в отдыхе, только вот голова перебирала сюжеты прошедшего дня, а глаза не закрывались и смотрели на балдахин, которым я пока не желала воспользоваться. Внезапно в мыслях возникла мелодия одной популярной арии, и, как я ни старалась уснуть, музыка всё звучала и звучала.

Это дух мой был возбуждён из-за того, что я снова взя-

лась за игру. Завтра встану с трудом и неотдохнувшая. Со мной такое частенько случалось в пансионе, когда я ворочалась почти всю ночь и засыпала лишь под утро, чтобы нехотя проснуться через пару часов по сигналу подъёма.

Грелка остыла, огонь почти потух, и, чтобы не замёрзнуть, я сначала укуталась как следует в одеяло и лишь потом подошла к окну. Я и не заметила, что время пролетело так быстро, пока я пыталась уснуть – я не видела отблесков света от окон на земле, в парке же свет фонарей был приглушён. Миссис Фэрфакс успела мне объяснить, что свет приглушают, когда все в доме улягутся, а ещё это зависело от интенсивности и продолжительности светового дня. Так что каждую ночь освещение бывало разным, а зимой фонари часто горели сутки напролёт. Хорошо, что дядюшка не оставлял в полной темноте аббатство!

Я повернулась лицом к комнате. Теперь, в ночном понимании, под тусклыми, едва тлеющими углями камина всё здесь казалось другим. Необычные силуэты и таинственные тени.

Мне вдруг взгрустнулось по старому дому, где жили я, отец, да старая служанка. Я вновь повернулась и прислонилась лбом к холодному стеклу. Шторы я не любила и не задёрнула, и теперь смотрела на парк. Одеяло спало с правой стороны, и я, наклонившись, натянула его, заметив краем глаза, как что-то движется к кустам.

Да, действительно, некто в тёмном плаще быстро направ-

лялся к ограде парка. Из моего окна было хорошо видно, как он перелез изгородь и скрылся на вересковых пустошах, которые простирались до горизонта; при этом я не различила ни рук, ни лица, фигура была хорошо закутана.

Должно быть, это кто-то из слуг балует по ночам. Джон? Или, может, это вор, грабитель?

Я вернулась в постель и начала задрёмывать, погружаясь в сладкую негу, дающую спокойствие и отдохновение от дневной суеты.

А наутро меня к первому завтраку разбудила Джил. Я почувствовала себя хорошо отдохнувшей и полной сил.

- Всё ещё спите без задёрнутых штор? – Джил покачала головой, расправляя простыни. – Сделать вам причёску?

- Нет, Джил. Пока я хожу в простеньком платье, мне ни к чему прихорашиваться, - я прошла в уборную, чтобы хорошенько умыться.

- У вас такие чудные волосы! Так жаль, что вы не хотите, чтобы я вам помогла, - причитала горничная, ступая за мной следом. – Мистер Сент-Остелл наказал помогать вам, так что же я скажу ему, если он спросит в конце недели? – она налила мне из кувшина воду, хотя я не просила её об этом.

- Успокойся. Я сама расскажу ему о том, что ты прекрасно со всем справляешься, и что на тебя у меня нет жалоб. Ты получишь своё жалование.

- Правда? – её лицо просияло.

- Конечно. А сейчас иди, застели постель и оставь меня.

Джил поспешила скрыться с моих глаз, а я пожалела беднягу, которая боится оплошать по неопытности. С одной стороны хорошо, что она готова исполнить всё, о чём её ни попросишь, но с другой…. Я чувствовала, что ей требуется моя поддержка сильнее, чем мне её навыки femme de chambre.

Размышляя об участи моей служанки, я неторопливо оделась во вчерашнее платье, благо, погода позволяла, заплела простую косу, потосковала немного, глядя на медальон и часы, а затем спустилась к завтраку.

- Доброе утро, моя милая гувернанточка! – ласково поздоровался дядюшка, который одарил меня насмешливым взглядом поверх газеты, которую просматривал до моего появления.

Я поздоровалась в ответ на его не слишком лестные слова, понимая, что он не старается меня обидеть, но, напротив, хочет увидеть мою улыбку.

- Дядюшка, если вы не прекратите так ко мне обращаться, я буду вынуждена называть вас «сэр», - пригрозила я, усаживаясь за стол.

- Я только хочу поднять тебе настроение. Ты плохо спала эту ночь? – он сложил газету и развернулся ко мне.

- Как вы узнали? У меня что-то с лицом?

- Нет. Я просто предположил, зная, как непривычно бывает поначалу в новом доме, особенно в темноте, когда всё кажется чужим, когда ничто не напоминает тебе прежнего дома, и потому ты не смыкаешь глаз.

- Вы абсолютно правы, – я подивилась его таким верным словам. – Я заснула далеко за полночь, но чувствую себя прекрасно.

Вошла миссис Фэрфакс в другом платье, но такого же старого покроя, как вчерашнее.

Обменявшись любезностями, мы принялись за еду, приготовленную для нас рукою поварихи Джуди. Старая дама опять принялась уговаривать меня попробовать всего понемногу. По её словам, она никогда ещё не видела такой худенькой барышни, которая ничего не знает об английских лакомствах и почти ничего не съедает за день.

- Если честно, я мало что знаю об Англии. В Европе или, как вы говорите, на континенте, меня не учили вашим традициям.

И в течение всего завтрака старая дама рассказывала мне об английских традициях, а, узнав, что и английское искусство мне чуждо, в разговор вступил дядюшка. Мне пришлось пообещать ему прочитать несколько книг английских авторов и выучить несколько английских пьесок или народных песенок.

Окончив трапезу, мой родственник пригласил меня осмотреть его лаборатории, находящиеся в двух башнях, и я с удовольствием приняла приглашение, не забыв захватить на всякий случай свою шаль.

Сегодняшний день был пасмурным и прохладным, тучи низко нависли над землёй и быстро бежали. Иногда ветер

нарастал до такой степени, что гудело в ушах. Ничто здесь не указывало на плодородный урожай, каким богата Италия в это время года. Да, всё совершенно другое…

Мы вышли с дядюшкой в неподходящий момент: Джон как раз проходил с лопатой мимо крыльца. Заметив нас, он окинул меня нагловатым взглядом, и его губы, как мне показалось, на миг расплылись в хитроватой улыбке.

- Доброе утро, мистер Сент-Остелл. Доброе утро, мисс Изабелла, - он козырнул мне рукой, но я сделала вид, что смотрю в другую сторону.

Как назло, мой опекун решил пообщаться с помощником садовника прямо сейчас.

- Как, Джон, твои дела? Всё ли в порядке в саду и парке?

- Решил пересадить розовый куст, пока не начались заморозки, - парень потряс лопатой. – У меня ещё много работы: с овощами разобраться надо, изгородь починить.

- Я знаю, что Колен пока тебя не допускает до стрижки кустарников, но мне кажется, из тебя выйдет толковый садовник. Я поговорю с ним на этот счёт.

- Буду вам премного благодарен.

Дядюшка кивнул и пошёл дальше. Из любопытства я оглянулась, и моё сердце ёкнуло: Джон смотрел нам вслед, а, заметив мой взгляд, снова улыбнулся. Я быстро отвернулась.

- Славный паренёк, - дядюшка-таки заметил, что я обернулась. – Из него выйдет толк.

Ну почему все здесь считают Джона таким хорошим, и

лишь я одна вижу его нахальство? Мне было немного обидно, но я оставила замечания при себе.

Вблизи круглая башня выглядела такой мощной, что в средневековье могла бы запросто выдерживать осаду не один год, а ещё напоминала маяк на каком-нибудь суровом северном утёсе среди моря.

- Диаметр этой башни пятьдесят метров.

Я удивилась такой большой цифре и подумала, что неверно расслышала, так как в это время ветер задул мне в уши и дядюшкины слова исказились.

- Изабелла, когда мы войдём, будь предельно внимательна, не задень провода. Ничего не трогай. Мои лаборатории довольно опасны, никто не заходит в них, включая саму миссис Фэрфакс.

- Хорошо, дядя. Давайте же скорее войдём, - я просто сгорала от любопытства.

Внутри башни было необычайно светло, как в хирургической. Множество проводов было буквально повсюду: они опутывали стены, лежали перекрученные на полу, так что нелегко было двигаться свободно, и я поднималась по винтовой лестнице след в след за дядей. Как хорошо, что на мне не было пышной юбки, иначе бы я запуталась или оступилась из-за отсутствия перилл. Я заметила, что у основания лестницы в землю почти до половины закопаны каких-то два большущих цилиндра. Я спросила об этом.

- Они называются магнетронами. Я сам сконструировал

их. Они накапливают в себе магнитную энергию земли, которая потом переходит по проводам в генератор электрической энергии на самом верху башни.

И пока мы поднимались, мой опекун так и сыпал терминами, воодушевляясь всё больше. Многое мне, к сожалению, не было понятно, и я смогла уяснить только самую суть в дядюшкиных работах, а также то, что его по-настоящему занимает только земной магнетизм, а всё остальное для него в опытах – второстепенное.

Магнитное поле Земли преобразовывалось в электрическое поле при помощи тех цилиндров, а также проводов, датчиков и других устройств. Электрическое поле создавало ток, который накапливался в больших генераторах, после чего два конденсатора и усилитель увеличивали его силу. Беспроводное электричество в доме и на уличных фонарях обеспечивалось датчиками, которые могли воспринимать посыл электромагнитных волн. Эти датчики в конечном итоге и давали свет, они крепились на все осветительные приборы.

Я не могла не подивиться такому изобретению, в котором не было надобности в проводах. Это давало большие преимущества по сравнению с тем электричеством, которое подводилось по проводам к нужному месту. Учёный просиял, когда я отметила его гениальность.

Но вот мы ступили на верхнюю площадку башни. Здесь было очень тесно – почти всё пространство вокруг занимали прямоугольные ящики и, опять же, многочисленные прово-

да.

- Это конденсаторы и усилитель.

К потолку крепилась лишь одна небольшая лампочка, отчего тут было полутемно, и наши тени казались какими-то гротесковыми гигантами среди этих опасных ящиков. По моей спине пробежали мурашки, будто кто-то ужасный оказался у нас за спиной, чего, конечно, никак не могло быть.

Опасные провода повсюду и малое пространство довершили своё дело, и я напугалась, немедленно попросив дядюшку поскорее выйти отсюда. По моему виду он понял, как я серьёзна, и, взяв меня за руку, он немедленно потащил меня вниз, и мы вышли наружу.

Почувствовав небо над головой и глотнув свежего воздуха, я пришла в себя. Никогда раньше я не чувствовала такой дурноты в маленьком пространстве.

- Изабелла, ты в порядке? – взволнованно спросил дядя, вглядываясь мне в лицо. – Ты так бледна, что я немедленно отведу тебя обратно. Не хватало ещё, чтобы ты упала в обморок. Мне следовало догадаться, что ты почувствуешь себя плохо в башне. К магнитному полю нужна некоторая привычка.

Но я запротестовала, заверив его, что мне уже лучше. Я по-прежнему горела желанием увидеть квадратную башню. Учёный не мог устоять перед моим напором – я всё-таки была его единственным зрителем за столь долгое время.

Квадратная башня находилась ближе к аббатству, к той

его стороне, что была разрушена. Она была меньше круглой, но гораздо выше, и, к моей радости, на крыше её была свободная просторная площадка, не скрытая ничем.

- Здесь находятся приборы, которые регулируют подачу электричества в замке и на близлежащих территориях, поэтому площадка на верхушке башни не скрыта ничем, чтобы приборы улавливали интенсивность света в каждый конкретный час, и свет мог включаться и выключаться по всему парку или менять освещение. Всё это делают автоматические металлические устройства. Видишь ли, металл очень чувствителен к свету и хорошо проводит ток, а для меня это очень важно, поэтому внутрь нельзя входить, не надев прежде специальной обуви.

Перед дверьми под небольшим навесом стоял сундук с обувью, напоминающей каучуковые сапоги рыбака. Конечно же, обувь оказалась велика мне, и дядюшка подвязал для меня сапоги, чтобы я ненароком не потеряла их и не подвергла себя опасности.

Мне было неловко, когда дядюшка присел передо мной, завязывая сапоги, а я придерживала юбку. Я чувствовала себя маленькой и нуждающейся в заботе, но разрушенное крыло очень хорошо скрывало нас от остального мира.

- Ну вот, полный порядок, - дядя ещё раз проверил, хорошо ли держится обувь, и выпрямился. – Теперь идём. Внутри светло и просторно, там уже не страшно, - и он распахнул передо мной дверь.

- А зачем здесь столько обуви, если только вы один заходите внутрь? – я не удержалась и заглянула в сундук, который оказался доверху забит этими сапогами гигантских размеров.

- У меня бывают профессора Лондонской академии наук. Ещё случается, что мой друг из Ирландии приедет навестить меня. Он тоже хороший учёный. Ну и конечно, я держу обувь для таких юных леди как ты, - дядюшка хохотнул и взглянул на меня.

Я улыбнулась из вежливости.

Квадратная башня действительно оказалась просторной, но кроме кирпичных стен, всё остальное здесь было металлическим, однако резиновые сапоги заглушали наши шаги по листовому железу, из которых состоял пол и лестница. На верхней площадке находился один гигантский аппарат, к которому крепились мелкие проводки и датчики. Он стоял на открытом воздухе, только под небольшим навесом, который был устроен, на мой взгляд, несколько кривовато.

- Этот аппарат, приёмоизлучатель, испускает электромагнитные волны на относительно небольшие расстояния постоянно. Мы их не чувствуем, но волны охватывают всё аббатство. Датчики, установленные на каждом источнике света, реагируют на эти волны, и, если ты щёлкаешь кнопкой и включаешь свет, сигнал возвращается вновь к этому прибору, и уже следующая волна зажигает электричество. На фонарях в парке датчики реагируют на освещённость и точно

так же ловят сигнал приёмоизлучателя.

- Но, дядя, - возразила я, разглядывая диковинный аппарат и с трудом стараясь ничего не трогать от любопытства, - как же волны успевают дойти от аппарата и обратно несколько раз, если, когда включаешь свет, он зажигается моментально? И как же мы не чувствуем волн, если они здесь повсюду?

- А вот тут, Изабелла, действуют законы физики. Волны распространяются с преогромными скоростями – для нас проходит лишь миг, а они уже могут быть на другом конце континента, хотя мои волны рассчитаны только на короткие дистанции. А не чувствуем мы их потому, что они легки и невесомы, и всепроникающи, но воздействуют только на металлы, да и то не на все. Природа позаботилась о том, чтобы каждый обитал в своих границах.

А сейчас, если у тебя не осталось вопросов, я хотел бы ещё кое-что проверить. Ты пока можешь рассмотреть здесь всё как следует, ну, или сходи прогуляйся вокруг. Много времени это не займёт, но отвлекать меня не следует, - дядюшка залез куда-то под прибор и принялся там копаться.

- Тогда я выйду наружу, - но он уже не слышал меня, а был погружён в свои опыты.

Я осторожно спустилась и вышла из квадратной башни.

Тучи быстро, но низко плыли надо мной. Вокруг не было совершенно ничего привлекающего внимания, даже растения здесь не росли, и я только сейчас заметила, что вокруг

башни один гравий.

- Наверное, так дядюшка решил обезопасить всё вокруг на случай пожара, - подумала я, поправляя ворот платья и шаль, чтобы ветер не задувал так сильно.

Несколько минут я стояла, не решаясь двинуться с места, и смотрела на разрушенное крыло. Невольная печаль охватила меня при взгляде на ту часть древнего здания, которая никому не нужна. Так может быть и с человеком…

Дядюшка всё не показывался, а я потеряла терпение ожидать его. Развязав резиновые боты, я быстрым шагом вернулась в дом и направилась в галерею картин. Навстречу мне никто не попался, иначе я с трудом могла бы объяснить своё столь быстрое передвижение по дому.

Войдя в желаемую комнату, я плотно закрыла за собой дверь и включила свет, надеясь, что у дяди нет такого прибора, который показывает, в каких помещениях он зажжён. Желтоватый свет залил все картины, и лица всех представителей Сент-Остелл сделались объёмными, а их глаза и одежда заиграли красками. Я не стала вглядываться в них, а сразу направилась к медальонам, которые находились под стеклом. К моему глубочайшему изумлению, портрета блондинки на месте не оказалось.

Я поняла, что кто-то специально убрал отсюда этот портрет, как только я начала всех расспрашивать о нём, потому что на красном бархате все оставшиеся медальоны лежали в переложенном виде так, чтобы пустого места не наблюда-

лось.

Но почему кто-то так поступил?

Я решила, что обязательно расспрошу дядю, ведь должно же быть какое-то объяснение. Не иначе, как один из слуг сделал эту перестановку.

Я постояла, отыскивая взглядом блондиночку в другом месте, но безрезультатно. Тогда я выключила свет, покинула комнату и снова вернулась на улицу, но, проходя по тропе, столкнулась с Джоном лицом к лицу.

Он почтительно поклонился мне, хотя мы уже виделись, и подвинулся, позволяя пройти.

- Изабелла бросила дядюшку и гуляет одна, - заявил он мне в спину.

И почему я позволила ему так себя называть?

- Я не бросала, а решила пройтись и подышать свежим воздухом, - оглянулась я. Сама не знаю, зачем стала оправдываться.

- Ну да, будто в квадратной башне воздуха мало, - возразил он с таким видом, словно ему было известно обо мне что-то такое…

- Я думаю, что не должна перед тобою отчитываться, - отозвалась я довольно грубо, собираясь идти дальше.

- Конечно, конечно, - он усмехнулся. – Кстати, если хочешь посмотреть на часовню, могу предложить свои услуги. После второго завтрака буду ждать тебя в розовом павильоне.

- И не подумаю.

- Посмотрим, - и он ушёл, оставив меня смотреть ему вслед.

Моя грудь часто вздымалась, пока я шла по парку, сама не зная куда. Да, Джон был прав. Я не могла пропустить возможность исследовать часовню, которую мне никто не собирался показывать. Такие места, как древние часовни, склепы и кладбища манили меня с детства. Я не часто имела возможность бывать там. И хотя сам помощник садовника вызывает у меня неприязнь, я всё же решусь пойти вместе с ним.

- Изабелла! - окликнул меня хозяин аббатства. Мы столкнулись с ним у поворота, но, если бы он не позвал, я не заметила бы его. – Куда ты подевалась? Я ищу тебя вот уже десять минут. Что с тобой? У тебя такой возбуждённый вид!

Должно быть, это от встречи с Джоном, но вслух я сказала следующее:

- Со мной всё в порядке. Я гуляла по парку, ожидая, пока вы закончите свои дела в башне, - но, понимая, что мой ответ не совсем убедителен и уже зная дядюшкин характер, добавила. – Не настало ли время второго завтрака? Я жутко проголодалась.

Дядя тут же позабыл обо всём, кроме еды.

К счастью, в комнате для завтрака уже всё было готово. Мне только оставалось спокойно есть, ничем не выдавая своего предвкушения перед предстоящей прогулкой. Миссис

Фэрфакс неведомо как узнала, что мне было не очень хорошо в круглой башне, а потому не оставляла своих расспросов о моём самочувствии и всё уговаривала, чтобы я съела ещё ложечку или попробовала вон ту вкусную штучку. Я, как могла, заверила её, что со мной всё в порядке, и при этом старалась вести себя естественно, чтобы не возникли новые вопросы.

Как только завтрак подошёл к концу, я немедленно вскочила, сообщив дяде, что решила прогуляться по парку, и была такова.

Джон уже поджидал меня у розового павильона и, когда я приблизилась, похвалил, что я всё-таки пришла. Несмотря на свои манеры, он был очень красив, а его взъерошенные волосы и густые брови придавали ему вид страстной натуры.

- Всё-таки пришла! – ещё раз воскликнул он. – Нам туда, - он указал на одну из дорожек.

- Ты выполнил все свои садовничьи обязанности? – на всякий случай спросила я, желая убедиться, что нам ничто не помешает.

- Сейчас свободен.

Краем глаза я заметила, что он не сводит с меня глаз. Щёки мгновенно вспыхнули, и я сделала вид, что поправляю волосы.

- Все слуги живут в главном здании? – поинтересовалась я, когда справилась с собой.

- Не, живут только те, кто прислуживает в доме. Осталь-

ные уходят на ночь в деревню или живут в привратницкой, как я. А что?

- Ничего, - я вспомнила о том, что мне кто-то привиделся, когда я принимала ванну два дня назад. Я думала, что это мог быть Джон, но он сам только что развеял мои опасения.

- Знаешь, мне так понравились твои песни, ну те, которые тебе мистер Сент-Остелл запретил напевать. Лично я не вижу в них ничего плохого, и мне хотелось бы послушать их ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.